

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК  
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи

КОТОВ  
Георгий Борисович

АНТИГАБСБУРГСКАЯ ОППОЗИЦИЯ В ЧЕХИИ В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА  
И ВОССТАНИЕ СОСЛОВИЙ 1618–1620 ГГ.

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история  
(история нового времени)

Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург  
2012

Работа выполнена в Отделе всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

Научный руководитель

кандидат исторических наук,  
старший научный сотрудник  
Исаев Сергей Александрович

Официальные оппоненты

Прокопьев Андрей Юрьевич  
доктор исторических наук, доцент,  
ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский  
государственный университет»,  
профессор кафедры истории средних  
веков

Коротков Сергей Николаевич  
кандидат исторических наук, доцент,  
ФГБОУ ВПО «Российский  
государственный педагогический  
университет им. А.И. Герцена», доцент  
кафедры всеобщей истории

Ведущая организация

Институт славяноведения Российской  
академии наук

Защита состоится «16» октября 2012 г. в \_\_\_\_\_ ч. на заседании диссертационного совета Д.002.200.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук на базе Санкт-Петербургского института истории РАН по адресу: 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Санкт-Петербургского института истории РАН.

Автореферат разослан «\_\_\_» \_\_\_\_\_ 2012 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета  
кандидат исторических наук

П.В. Крылов

## I. Общая характеристика работы

**Объектом** исследования выступает сословная оппозиция – неоднородная социальная сила, отстаивавшая свободы и привилегии сословий Чешского королевства перед централизаторскими и унификаторскими устремлениями монархов из династии Габсбургов в начале XVII в. Высшим проявлением ее активности стало Восстание сословий 1618–1620 гг.

**Историография**, касающаяся разных аспектов истории Чешского восстания, весьма обширна. Основы для последующего серьезного научного изучения политической истории Чешских земель XVI – начала XVII в. и Восстания сословий 1618–1620 гг. были заложены в 1850-е – 1870-е гг. деятельностью Х. д'Элверта, А. Гиндели, К. Тифтрукка, Й. Иречека и других историков и архивистов по выявлению и публикации важнейших источников. Огромная источниковедческая работа позволила А. Гиндели создать многотомную «Историю чешского восстания 1618 г.»<sup>1</sup>, в которой драматическое противостояние Габсбургов и протестантских сословий Чешских земель рассматриваются в широком контексте общеевропейского конфликта конца XVI – начала XVII в. Этот труд по сию пору остается важнейшим капитальным исследованием по данной проблематике.

*Отечественная историография* истории Чешских земель второй половины XVI – начала XVII века в целом характеризуется крайне незначительным количеством капитальных исследований<sup>2</sup>. История сословно-королевского столкновения и восстания 1618–1620 гг. освещается, как правило, в небольших обзорах и очерках в трудах общего характера. В центре внимания русских авторов второй половины XIX – начала XX в. находилась в основном история религиозного движения в Чехии. Работы П.А. Лавровского, А.А. Кучубинского, А.Ф. Гильфердинга, А.С. Клеванова отмечены славянофильско-романтическим восприятием истории добелогорской Чехии, для которого свойственно в равной степени критическое отношение и к австрийской католической династии, и к чешской протестантской аристократии, стоявшей во главе сословного движения. Опираясь на труды чешских исследователей (прежде всего А. Гиндели), отечественные авторы видели причину поражения сословного восстания 1618 г. и последующего упадка страны в эгоизме высших сословий и просчетах дворянских лидеров оппозиции. Эту точку зрения разделял и М.К. Любавский, излагавший историю Чехии с позиций историко-юридической школы.

Советская историография 1930-х – начала 1950-х гг., в сущности, воспроизводила славянофильские концепции на языке вульгаризированного

---

<sup>1</sup> Gindely A. Dějiny českého povstání l. 1618. D. I–IV. Pr., 1870–1880.

<sup>2</sup> Лавровский П.А. Падение Чехии в XVII в. М., 1868; Кучубинский А.А. Братья-подобой и чешские католики в начале XVII в. Одесса, 1873.

марксизма. Антигабсбургское движение в Чехии второй половины XVI – начала XVII вв. характеризовалось как охватившее почти все слои населения, в том числе горожан и крестьян, всенародное сопротивление наступавшей Контрреформации и усиливавшемуся национальному гнету. Подобную трактовку можно найти, в частности, в посвященных этой проблематике работах Л.П. Лаптевой начала 1950-х гг. На страницах вышедших во второй половине 1950-х гг. «Истории Чехословакии» и 4-м томе «Всемирной истории» А.И. Озолин также писал о чешском восстании 1618 г. как о широком общественном движении, уже не столь акцентируя его национальные мотивы и уделяя больше внимания поднявшим его социальным силам.

Картина Восстания сословий 1618–1620 гг., оценка социально-классового состава антигабсбургской оппозиции и направленности ее политических программ, представленные в соответствующих разделах учебников и коллективных трудов последних трех десятилетий XX века, написанных Л.П. Лаптевой, И.И. Попом, Б.Н. Флорей, в статьях М.В. Тарасовой, очень близки к трактовке, превалировавшей в чехословацкой историографии 1970-х – 1980-х гг.

Чешские события 1618–1620 гг. в той или иной степени затрагивались в работах О.Л. Вайнштейна, Б.Ф. Поршнева, В.М. Алексеева, Б.Н. Флори по проблемам международных отношений в Европе в эпоху Тридцатилетней войны, в которых концентрировалось внимание главным образом на месте и роли Восстания сословий в этом общеевропейском конфликте. Отдельные вопросы экономического, политического и культурного развития Чешских земель XVI – нач. XVII в. освещаются в работах Г.П. Мельникова, в которых акцентируются поликонфессиональность и этническая поликультурность сословного общества, облик и внутреннее развитие которого определялось не только противоречиями и конфликтами, но и взаимодействием, взаимовлиянием составляющих его элементов.

Сословно-династическому конфликту в Чехии начала XVII в. посвящено исследование А.С. Левченкова.<sup>3</sup> Основное внимание в работе уделено конфессиональным столкновениям как в Чешских землях, так в Европе в целом, а также международной составляющей чешского конфликта; в качестве основной причины поражения Восстания 1618–1620 гг. в диссертации выступает изначально неблагоприятная для антигабсбургской оппозиции внешнеполитическая ситуация. Налицо стремление автора освободиться от непродуктивных методологических штампов (дворянство и дворянская оппозиция уже не характеризуются как «феодалы») и более взвешенно

---

<sup>3</sup> Левченков А.С. 1) Политический кризис в Чехии в первой половине XVII в. и начало Тридцатилетней войны. Дисс. ... к. ист. н. М., 2003; 2) Последний бой чешского льва: Политический кризис в Чехии в первой четверти XVII века и начало Тридцатилетней войны. СПб., 2007.

подойти как к активности сословной оппозиции, так и к деятельности австрийских Габсбургов в землях Чешской короны. Однако, определив своей задачей изучение «причин возникновения и характера сословной оппозиции, целей противоборствующих партий, особенностей отношений между ними в различные периоды конфликта», автор практически не уделяет внимания ни ходу сословных собраний, ни специфике административно-управленческой системы в «дуалистическом» государстве. В результате мотивы, цели и результаты активности противоборствующих группировок предстают в схематично-упрощенном виде.

В работах ведущих представителей *чешской национальной историографии* второй половины XIX – начала XX в. концептуальное осмысление событий 1618–1620 гг. находилось в тесной связи с дискуссией о сущности и характере политического режима в Чешских землях до и после Белой Горы. Консервативные историки (В.В. Томек, А. Резек), исходя из представлений о всеобщем упадке чешского сословного общества в добелогорскую эпоху, оценивали борьбу сословной оппозиции с королевским абсолютизмом однозначно негативно. Представители либерального (А. Гиндели) и позитивистского направления (К. Крофта, Й. Пекарж, Я. Прокеш, К. Стлоукал и др.), избегая идеализации антигабсбургской оппозиции, в то же время оспаривали тезис о «прогрессивности» габсбургского абсолютизма по сравнению с добелогорской сословной монархией и считали оправданным сопротивление некатолических сословий.

Помимо попыток концептуального осмысления истоков и значения Восстания 1618 г. следует отметить появление во второй половине XIX – первых десятилетиях XX в. фундаментальных исследований, посвященных различным аспектам конфессиональной, политической, социальной истории Чешских земель, которые благодаря насыщенности фактами и использованию их авторами добротных источников не утратили своего значения и по сию пору (Й. Хаммер-Пургшталля, П. Хлумецкого, Ф. Грейсы, З. Винтера). Основные этапы и ключевые события конфессионально-политического конфликта первых двух десятилетий XVII в. были детально рассмотрены в исследованиях Ю. Глюклиха, К. Крофты, Я.Б. Новака, В. Ливы, Й.В. Шимака, Ф. Махачека и др.

Послевоенная чехословацкая историография продемонстрировала значительную преемственность со взглядами и оценками историков-позитивистов. Й. Полишенский, Ф. Кавка, А. Мика, Й. Яначек, Я. Панек и др. авторы 1940-х – 1980-х гг. в русле идейно-методологических схем марксистской историографии концентрировали внимание на выявлении «гегемона», «движущих сил», «социальной базы» антигабсбургских восстаний, на социально-классовом содержании оппозиционных программ. При этом особо акцентировался «феодальный» характер сословий и антигабсбургской оппозиции. Программа Восстания 1618–1620 гг. отражала в первую очередь

политические и экономические интересы возглавлявшей его узкой прослойки «феодальной» аристократии, что делало невозможным возникновение надежного политического союза между высшими сословиями и широкими слоями чешского мещанства. Ограниченность «социальной базы», в свою очередь, рассматривалась в качестве одной из главных причин поражения восстания.

Подобное представление исключительно устойчиво и до сих пор часто встречается в работах по истории чешских событий 1618–1620 годов. Оно явно диссонирует с новыми подходами в изучении политического устройства и элит сословного общества габсбургских земель раннего Нового времени, возникших на протяжении последних двух десятилетий под влиянием структурализма, культурной антропологии и других направлений социальных наук. В исследованиях Т. Винкельбауэра, К. МакХарди, В. Бужека, П. Ворела, П. Мати, З. Выбирала и др. авторы дворянство Чешских земель предстает как весьма неоднородная, динамичная социальная страта со сложной системой внутренних и внешних связей, а сословия рассматриваются в более широкой исторической перспективе не только как прирожденные конкуренты и оппоненты, но и как партнеры королевской власти в процессе формирования монархии раннего Нового времени.

Всестороннее изучение сословной оппозиции – ее состава, форм политической активности и социально-политических устремлений – остается актуальной научной задачей.

Немало внимания в литературе уделено сословным конфедерациям периода Восстания 1618–1620 гг. (Б. Еншовский, Р. Станка, Й. Валка, Й. Бальке, К. Адамова, В. Бекер). К различным аспектам участия в Восстании королевских городов, прежде всего пражских, обращались в своих работах З. Винтер, Й. Яначек, И. Дворский. Развитие сословного восстания в других землях Чешской короны, прежде всего в Моравии, рассматривается в работах Ф. Грубого, Й. Валки, Ф. Матейека, Т. Кноза. К достаточно разработанным в историографии сюжетам можно отнести и международный аспект Восстания 1618–1620 гг. Помимо уже упоминавшихся работ А. Гиндели, Й. Полишенского, участию иностранных держав в чешских событиях посвящены исследования И. Бартечека, Д. Альбрехта, Ф. Мюллера.

Основой для изучения феномена сословной оппозиции являются работы о сословиях Чехии, прежде всего о высших, дворянских сословиях – панстве и рыцарстве. Проблемы, связанные с социально-экономическим обликом дворянства и мещанства добелогорской эпохи, наиболее активно разрабатывались в 1950-е – 1980-е гг. А. Микой, Й. Полишенским, Ф. Снайдером, Й. Петранем, И. Коваржином, Й. Яначеком, В. Ледвинкой, В. Бужеком. Их исследования продемонстрировали внутреннюю неоднородность высших сословий, различия имущественного положения и, как следствие, экономических и политических интересов составлявших их слоев,

а также выявили специфические формы предпринимательской активности дворян-землевладельцев XVI–XVII вв.

Работ, посвященных сословной оппозиции как таковой, относительно немного. Наиболее разработанными оказались вопросы, связанные с антигабсбургской активностью сословий в XVI в. Происхождению сословной оппозиции в Чехии в правление Фердинанда I, ее внутренней структуре, программным установкам и формам оппозиционной активности уделил много внимания в своем капитальном исследовании добелогорской эпохи Й. Яначек.<sup>4</sup> В качестве одной из характерных черт антигабсбургского движения исследователь отмечал его консервативно-оборонительный характер, нацеленность на сохранение, а не на преобразование существовавших государственно-политических порядков и институтов.

Сословной оппозиции в добелогорской Чехии уделял много внимания Я. Панек. В монографиях «Сословная оппозиция и ее борьба с Габсбургами 1547–1577 гг.», «Последние Рожмберки. Вельможи чешского Возрождения» и ряде статей<sup>5</sup> прослеживаются основные этапы сословно-королевского конфликта со времени воцарения Габсбургов до битвы на Белой Горе и отмечены особенности чешской сословной оппозиции на каждом из этих этапов. Основное внимание исследователь сосредоточил на периоде между разгромом сословного выступления в 1548–1549 гг. и борьбой за «Чешскую конфессию» 1575 г. Ему удалось представить динамичную картину развития: от «широкой» внеконфессиональной дворянской оппозиции, осторожно облекавшей вопрос о суверенитете сословий в форму феодально-местнического спора, до конфессионально окрашенной оппозиции некаатолических сословий, использующей для достижения своих целей легальные методы давления на королевскую власть.

Сословная оппозиция первых двух десятилетий XVII в. как основной объект исследования выступает, пожалуй, лишь в небольшом исследовании Я.П. Кучеры<sup>6</sup>, в котором автор анализирует причины ее неудач на сеймах 1614–1617 гг. В своей «Истории конфискаций в Чехии после 1618 г.» Т. Билек<sup>7</sup> ввел в научный оборот огромный фактический материал, до сих пор используемый исследователями для реконструкции социального облика участников Восстания.

---

<sup>4</sup> Janáček J. České dějiny. Doba předbělohorská (1526–1547). Kn. 1. D. I–II. Pr., 1968–1984.

<sup>5</sup> Pánek J. 1) Stavovská opozice a její zápas s Habsburky. 1547–1577. Pr., 1982; 2) Poslední Rožmberkové: Velmoži české Renesance. Pr., 1989; 3) Politické dějiny předbělohorských Čech – problem vnitřní periodizace // Historiografie čelem k budoucnosti: Sborník k šedesátinám akademika J. Purše. Pr., 1982. S. 185–204.

<sup>6</sup> Kučera J.P. Stavovská opozice v Čechách a volba Ferdinanda Štýrského českým králem // Studia comeniana et historica. Roč. 14, č. 28. 1984. S. 5–42.

<sup>7</sup> Bílek T. Dějiny konfiskací v Čechách po r. 1618. D. I–II. Pr., 1882–1883.

На собранные Т. Билеком данные опирается, в частности, П. Чорней<sup>8</sup>, исследовавший имущественное положение различных слоев мятежного дворянства. Персональный состав руководства антигабсбургского лагеря, экономические и политические интересы отдельных политиков и группировок анализировал в книге «Староместская экзекуция» Й. Петрань.<sup>9</sup>

**Источники** по истории столкновения сословий и королевской власти в Чехии начала XVII в. разнообразны и могут быть сгруппированы следующим образом:

- **источники правового характера:** своды земского права (земские уложения); нормативно-правовые акты, исходившие от королевской власти, а в годы восстания – также от Директории (мандаты, патенты и т.п.); публично-правовые акты, в частности, маестаты, содержавшие подтверждение сословных прав и свобод, соглашения между конфессиональными общинами, конфедерации (соглашения между сословиями земель Чешской короны) и т.п. Сюда же следует относить постановления генеральных и земских сеймов, которые после ратификации королем и процедуры внесения в земские доски приобретали статус законов;

- **документальные источники,** освещающие деятельность различных институтов и учреждений. Поскольку основной ареной политических столкновений являлись сословные собрания, особую значимость приобретают документы, связанные с работой сеймов и съездов – пропозиции, реплики, триплики, статейные петиции (субликации), содержавшие требования сословий и т.п. Благодаря трудам авторов-современников событий (П. Скалы, В. Славаты), а также предпринятому чешскими архивистами второй половины XIX – начала XX вв. изданию «Чешские сеймы»<sup>10</sup>, в распоряжении современных исследователей имеется корпус наиболее важных документов, связанных с работой чешских сословных собраний в период с 1602 по 1620 гг. Для исследования внутренней политики и административной практики периода Восстания 1618–1620 гг. привлекаются документы, относящиеся к деятельности управленческих (Директории, совета наместников, Чешской канцелярии и королевской коморы) и судебно-следственных органов (чрезвычайная следственная комиссия, учрежденная Фердинандом II после разгрома Восстания): реестры исходящей документации, должностные инструкции, служебная корреспонденция. О деятельности Директории, временного руководящего органа Восстания, дают представление протокол исходящей

<sup>8</sup> Čornej P. Vliv pobělohorských konfiskací na skladbu feudální třídy // Proměny feudální třídy v Čechách v pozdním feudalismu. Pr., 1976. S. 165–194.

<sup>9</sup> Petráň J. Staroměstská exekuce. Pr., 1971.

<sup>10</sup> Sněmy české od léta 1526 až po naši dobu. D. I–XV. Pr., 1877–1954.



корреспонденции канцелярии директоров, изданный Я. Прокешем<sup>11</sup>, и реестр документов фонда «Militare» архива Министерства внутренних дел ЧСР, подготовленный В. Ливой<sup>12</sup>. Материалы побелогорского следствия, не составляющие единого корпуса, были частично опубликованы в 1860-х гг. моравским историком Х. д'Элвертом.<sup>13</sup> Ряд документов приводится также во втором томе каталога «Documenta bohemia bellum tricennale illustrantia», посвященном чешским событиям<sup>14</sup>;

- *публицистика* – разного рода памфлеты, исходившие как от сторонников оппозиции, так и приверженцев династического курса;

- *источники личного происхождения* – свидетельства очевидцев и участников событий, дошедшие до нас в воспоминаниях и дневниковых записях.

Говоря о своеобразии источникового материала, следует, несомненно, отметить исключительную роль двух памятников – «Церковной истории» Павла Скалы из Згорже<sup>15</sup> и «Воспоминаний» Вилема Славаты<sup>16</sup>. С одной стороны, в этих трудах приведены целиком сотни различных документов, в том числе и ныне утраченные или не поддающиеся атрибуции. Благодаря этому они уже полтора столетия играют роль своеобразных хрестоматий для исследователей конфессионально-политического столкновения в Чешских землях в начале XVII столетия. С другой стороны, оба сочинения (особенно В. Славаты) содержат ценные свидетельства авторов как очевидцев и участников многих событий.

**Основной целью** работы является изучение антигабсбургской оппозиции в Чехии в начале XVII в. главным образом сквозь призму ее активности на сословных собраниях – сеймах и съездах, которые являлись главной ареной конфессионально-политического столкновения.

Для достижения этой цели ставятся следующие **основные задачи**:

- проанализировав сведения о ходе и итогах наиболее значимых сеймов и съездов в годы, предшествовавшие Восстанию сословий, выявить основные

<sup>11</sup> Protokol vyšlé korespondence kanceláře českých direktorů z let 1618 a 1619 / Vyd. J. Prokeš. Pr., 1934.

<sup>12</sup> Prameny k dějinám třicetileté války. Regesta fondu Militare Archivu Ministerstva vnitra ČSR v Praze. D. III. 1618–1625 / K vyd. přípr. V. Líva. Pr., 1951.

<sup>13</sup> Beiträge zur Geschichte der Rebellion, Reformation, des dreissigjährigen Krieges und der Neugestaltung Mährens im siebzehnten Jahrhundert / Hrsg. von Ch. d'Elvert. Brünn, 1867; Weiter Beiträge zur Geschichte der böhmischen Länder im 17. Jahrhunderte / Hrsg. von Ch. d'Elvert. Brünn, 1868.

<sup>14</sup> Documenta bohemia bellum tricennale illustrantia. T. II. Der Beginn des dreissigjährigen Krieges. Der Kampf um Böhmen: Quellen zur Geschichte des Böhmisches Krieges (1618–1620) / Hrsg. von M. Toegel. Pr., 1972.

<sup>15</sup> Skála ze Zhoře P. Historie česká od r. 1602 do r. 1623 / K vyd. upravil K. Tieftrunk. D. I–V. Pr., 1865–1870; Skála ze Zhoře P. Historie česká. Od defenestrace k Bílé Hoře. Pr., 1984.

<sup>16</sup> Slavata V. Paměti nejvyššího kancléře kralovství českého Vilema hraběte Slavaty etc. / K vyd. upravil J. Jireček. D. I–II. Pr., 1866–1868.

направления и специфику программы антигабсбургской оппозиции в условиях обострения религиозного конфликта и основные факторы, влиявшие на ее политическую дееспособность;

- проанализировав сведения о сословных собраниях и важнейших политических акциях сословного режима в период антигабсбургского Восстания 1618–1620 гг., выявить основные принципы формирования и функционирования повстанческого лагеря и отличительные черты внутренней политики сословного режима в 1618–1620 гг.;

- проанализировав содержание основных программных документов периода Восстания сословий и сведения о реализации их положений в ходе недолгой истории восстания, выявить соотношение традиционного и новаторского в предлагавшейся антигабсбургской оппозицией государственно-политической модели, определить направленность социально-политических устремлений сословных элит;

- определить, нашли ли отражение в политической практике периода Восстания социальные изменения (сдвиги, трансформации), происходившие в сословном обществе Чехии под влиянием реализации Габсбургами конфессионально-политических устремлений.

*Хронологические рамки* исследования охватывают первые два десятилетия XVII в., приблизительно с 1600 по 1620 г.

*Методологическую основу* диссертационного исследования составляют принципы объективности и историзма в подходе к явлениям социально-политической истории Чехии раннего Нового времени.

*Практическая значимость исследования* состоит в том, что его материалы и результаты могут быть использованы при подготовке общих лекционных курсов по истории раннего Нового времени, славянских стран и истории Чехии, специальных курсов и семинарских занятий по различным аспектам чешской истории.

**Апробация работы.** Основные положения данной работы излагались на ежегодных конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых, проводимых Кафедрой истории средних веков СПбГУ (1996, 1997, 1998, 2000 гг.), на конференциях «Славянские чтения», проводящихся на Историческом факультете СПбГУ (1998, 1999, 2000, 2002, 2003, 2004, 2005 гг.), на всероссийской научной конференции «Нобилитет в истории Старой Европы» (Санкт-Петербург, январь 2007 г.), а также на международном исследовательском семинаре «Эпоха Тридцатилетней войны», проводившемся в августе 1997 г. в Рескильде (Дания).

## II. Основное содержание работы

Диссертация состоит из Введения, четырех глав, Заключения, списка использованных источников и литературы, словаря часто употребляемых терминов и понятий и списка сокращений.

Во **Введении** обосновывается актуальность темы, определяется основная цель и задачи исследования, его хронологические рамки, научная новизна и практическая значимость, характеризуется источниковая база, дается оценка состояния научной разработанности проблемы.

**Глава 1 «Сословная оппозиция в Чехии: опыт столкновений начала XVII в.»** посвящена сословной оппозиции в Чехии в период до 1611 г. и состоит из трех разделов.

В **разделе 1.1** дается краткий очерк конфессионально-политической борьбы в Чехии в 1602–1611 гг. Основной акцент делается на активности евангелических сословий на сеймах и съездах в периоды сопротивления мандату против Общины чешских братьев 1602–1603 гг., противостояния императора Рудольфа и конфедерации некаатолических сословий Венгрии, Австрии и Моравии под эгидой эрцгерцога Матиаса 1606–1608 гг., борьбы за «Маестат» о свободе некаатолического вероисповедания 1609–1610 гг. и «пассауского» вторжения 1611 г.

В **разделе 1.2** рассматриваются основные положения политической программы сословной оппозиции в 1608–1611 гг., влияние драматических событий этого периода на ее содержание, попытки ее реализации в эти годы.

На основании документов, появившихся в ходе сеймов 1608–1611 гг. – 24-статейной сословной петиции и «Артикула о вероисповедании» 1608 г., «Маестата» о свободе евангелического вероисповедания и сопутствовавших ему документов 1609 г., предкоронационных капитуляций короля Матиаса 1611 г., – диссертантом выделяются основные направления, составившие костяк политической программы оппозиции на этом этапе конфликта и получившие развитие впоследствии в годы Восстания сословий. Таковыми, помимо законодательного подтверждения «Чешской конфессии» 1575 г. и юридического закрепления гарантий свободы евангелического вероисповедания, стали ликвидация монополии католиков на высшие земские должности и сокращение компетенции управленческих институтов, ставших на рубеже веков проводниками рекаатолизации (прежде всего королевской коморы и Чешской канцелярии). В работе отмечается, что в новых политических условиях начала XVII в. сословная оппозиция не просто требовала юридических гарантий своих свобод и привилегий, но стремилась к созданию особого механизма для контроля за соблюдением этих гарантий, для чего предлагалось внести целый комплекс изменений в законодательство и государственно-политическое устройство. Отличительной чертой оппозиции начала XVII в. можно назвать

также стремление к институционализации, к созданию органов с обширными общеземскими полномочиями, которые могли бы координировать активность некатолических сословий (коллегии дефензоров, директории).

Новым явлением, имевшим большое значение для развития оппозиции во всех землях габсбургской монархии, стало создание в 1608–1609 гг. *сословных конфедераций*. Конфедеративные договоры между сословиями Верхней и Нижней Австрии, Венгрии и Моравии 1608 г. и между чешскими и силезскими сословиями 1609 г. предполагали лишь военно-политическое сотрудничество их членов и не затрагивали проблем государственно-политического устройства. Однако в ходе событий 1608–1611 гг. довольно четко обозначились различия во взглядах сословий Чехии, с одной стороны, и сословий инкорпорированных земель, прежде всего Моравии, – с другой, на взаимоотношения между землями в государстве Чешской короны. Отношение сословных лидеров Чехии к политике сословных общин других земель Короны определялось не только политическим расчетом, но и установками т.н. «коронного» сознания, убежденностью в превосходстве и главенствующей роли сословий Чехии внутри государства Чешской короны. В свою очередь земский партикуляризм, бывший доминантой политического сознания сословий инкорпорированных земель, нашел отражение в Либеньском мире 1608 г. и в соглашении, достигнутом между сословиями Чехии и Моравии на генеральном сейме 1611 г. В период ощутимого ослабления королевской власти усилия моравских сословий были направлены на то, чтобы выйти из-под юрисдикции центральных пражских учреждений (или хотя бы ограничить их компетенцию в земских делах) и создать собственные управленческие структуры.

В ходе столкновений 1608–1609 гг. оппозицией был приобретен важный *внешнеполитический опыт*. В работе отмечается, что и лидеры прогабсбургской партии, и сословные вожди уделяли много внимания созданию благоприятного образа или оправданию своих действий в общественном мнении иностранных держав и поиску союзников, которые могли бы оказать дипломатическую и материальную поддержку. В периоды обострения противостояния оппозиция фактически вела самостоятельную внешнюю политику, тем самым открыто посягая на прерогативы короля. При этом сословные лидеры проявляли значительное дипломатическое искусство, демонстрируя осторожную и взвешенную позицию. В частности, благодаря искусной дипломатии им удалось избежать внешнеполитических осложнений после кровавых погромов католических монастырей пражским простонародьем во время «пассауских» событий 1611 г. Опыт внешнеполитических контактов оппозиции в это же время (в частности с саксонским двором) было навязано требование «обновить» «наследственные договоры» с имперскими княжескими домами, которое содержалось в предкоронационных капитуляциях Матиаса. При этом вожди оппозиции подразумевали, что обновление этих соглашений произойдет на условиях, выгодных сословиям, т.е. что сословия станут самостоятельным

субъектом этих договоров и смогут обращаться за помощью к государям и сословиям соседних немецких княжеств без согласия короля.

**Раздел 1.3** посвящен проблеме внутренней структуры антигабсбургской оппозиции и влиянию внутренних трений и противоречий на ее политическую дееспособность в условиях столкновений 1608–1611 гг. Изучение политической активности семейства Вхинских из Вхниц в начале XVII в. позволяет сделать предположение о значительной роли интересов и взаимоотношений влиятельных дворянских семей и кланов в развитии конфессионально-политического столкновения. Рассматривая вопрос о соотношении общей программы оппозиции и устремлений королевских городов, диссертант приходит к выводу о достаточно прагматичном отношении к политической активности третьего сословия со стороны аристократических лидеров. Вожди дворянской в основе своей оппозиции из тактических соображений были готовы поддержать ряд мещанских требований, направленных на ослабление правящего режима и укрепление оппозиционного лагеря в целом.

В главе 2 «Сословная оппозиция на сеймах 1614–1617 гг.» рассматривается период, отмеченный реваншем Габсбургов и продинастической партии за уступки, сделанные в 1609–1611 гг., и значительным политическим поражением сословной оппозиции. Глава состоит из трех разделов.

В разделе 2.1 рассматриваются ход и итоги т.н. будейовицкого земского сейма 1614 г., который был отмечен появлением четырех статей, которые принято рассматривать как программу наиболее радикального крыла сословной оппозиции в период между воцарением Матиаса и Восстанием 1618 г. В нее вошли требования заключить конфедерации с австрийскими и венгерскими сословиями; определить четкий порядок для организации совместной «дефензии» (защиты от внешнего или внутреннего врага) для всех земель Чешской короны; предоставить наивысшим земским чиновникам и уполномоченным сословиями лицам права в случае непреодолимой необходимости созывать крайские съезды без предварительного разрешения короля; обновить «наследственные договоры» Чешского королевства с князьями Империи.

Отмечается явное несоответствие между настроениями участников будейовицкого сейма и конкретным итогом его работы. Съехавшиеся на сейм сословные лидеры, по-видимому, были уверены в своих силах, позволяя довольно резкие высказывания в адрес правительства. Однако единственным достижением оппозиции в этот раз стало лишь очередное устное обещание короля созвать для обсуждения четырех статей генеральный сейм земель Чешской короны. В то же время сейм частично удовлетворил его финансовые запросы, вотировав регулярные сборы на 1614 г.

В связи с историей будейовицкого сейма 1614 г. в разделе рассматривается вопрос о возникновении радикального антигабсбургского

крыла сословной оппозиции. Отмечается, что антигабсбургские настроения в этот момент не были широко распространены среди чешских сословий. Сословных же политиков, которых традиционно относят к этому крылу (Г.М. Турна, Л. Колонну из Фельса, В. Будовца, Вацлава Вилема из Роупова, В. Вхинского, Я.О. Шлика), по-видимому, объединяло только неприятие католической династии. Даже если рассматривать этих особ в качестве политической группировки с общими целями, не следует переоценивать ее сплоченность.

**Раздел 2.2** посвящен ходу и результатам генерального сейма земель Чешской короны, работавшего в Праге с 15 июля по 15 августа 1615 г., который был созван специально для обсуждения четырех будейовицких статей. Итоги этого сейма, который вотировал берну (экстраординарный налог в пользу монарха) на пять лет вперед и дал согласие на уплату части королевских долгов, стали крупным политическим успехом Габсбургов и прогабсбургской партии. В разделе отмечается, что в 1615 г. правительство сделало ставку на тактику, основанную на соблюдении процедур и следовании традициям проведения сословных собраний. Формально процедура была полностью соблюдена: четыре статьи вынесены на обсуждение и по каждой из них было вынесено постановление. Однако даже в случаях положительного решения (по статьям о «наследственных договорах» и «дефензии») усилиями прогабсбургской партии из инициатив оппозиции оказалось исключено их оппозиционное содержание. Оказание в экстренной ситуации военной помощи сословиям инкорпорированных земель и наем войска оказывались направлены в первую очередь на защиту государя и могли быть осуществлены только с его ведома и одобрения. Разногласия среди ведущих оппозиционных политиков накануне или в ходе сейма, по-видимому, являются наиболее правдоподобным объяснением слабости оппозиции, ее неспособности противостоять маневрам продинастической партии. Однако, по мнению диссертанта, имеющаяся в распоряжении исследователей информация не позволяет сделать сколько-нибудь определенные выводы о причинах этого раскола.

В разделе рассматриваются постановления сейма 1615 г. о защите чешского языка (т.н. «языковой закон»). В этих постановлениях выражалось беспокойство по поводу прилива в высшие сословия и в города большого числа иноземцев, не знавших чешского языка, законов и обычаев страны, и предусматривалось, что иноземные дворяне, ремесленники и купцы, желающие обосноваться в стране, должны сами знать по-чешски и отдавать своих детей учиться чешскому языку. «Языковой закон» запрещал «принятым в страну» или городские общины иноземцам и их потомкам «до третьего колена» занимать какие-либо должности, заседать в любых советах и судах; требовал, чтобы на сеймах и в судах дела слушались только на чешском языке; предусматривал санкции для тех «природных чехов», которые с пренебрежением относятся к родному языку и способствуют распространению в стране чужих, а также для

живущих в Чехии иноземцев, стремящихся подчеркнуть свою языковую идентичность.

В вопросе о роли «языкового закона» в конфликте между продинастической партией и оппозицией диссертант считает более обоснованным предположение, что бóльшую выгоду из появления подобного законопроекта могла извлечь правительственная партия. Следует признать, что имеющаяся в распоряжении исследователей информация не позволяет видеть в «языковом законе» акцию сословной оппозиции, направленную на ослабление прогабсбургской партии. Вполне вероятно, что сами по себе постановления о защите чешского языка не имели политической подоплеки и были одобрены сеймом по инициативе представителей старых чешских аристократических семейств, озабоченных притоком иноземцев в сословную общину и положением родного языка.

**Раздел 2.3** посвящен земскому сейму 6–9 июня 1617 г. и «принятию» на нем эрцгерцога Фердинанда Штирийского. Несмотря на то, что кандидатура «ожидаемого наследника», снискавшего мрачную известность активными мероприятиями по рекатолизации в своих наследственных владениях, не вызывала симпатий у чешских евангеликов, оппозиция в ходе сейма не стала настаивать на праве чешских сословий свободно избрать монарха, и Фердинанд в полном соответствии с императорской пропозицией был «принят» в качестве будущего короля и коронован.

Причиной неудачного для оппозиции исхода сейма стала прежде всего пассивность и полная неподготовленность некатолических сословий к этой акции Габсбургов. Слабость сословной оппозиции объяснялась, вероятно, разногласиями между лидерами составлявших ее фракций. В свою очередь, залогом успеха династии стала четкая организация и тщательная подготовка к сейму со стороны прогабсбургской партии. При этом значительную роль в подготовительных мероприятиях и во время сейма сыграла Чешская канцелярия.

Обращение к особенностям политической культуры сословного общества Чехии и анализ сведений о подготовке и ходе сословных собраний во второй половине XVI в. позволяют отследить возможные механизмы усиления влияния династии, которые, вероятно, были задействованы продинастической партией и в 1617 г. Так, акция Фердинанда I перед сеймом 1557 г. показывает механизм формирования лояльного католической династии большинства среди участников сейма. Прецедент, имевший место на сейме 1549 г. при утверждении новой редакции Земского уложения, в свою очередь свидетельствует о том, что процедура персонального голосования по наиболее важным вопросам была, по-видимому, очень эффективным средством манипулирования сеймом.

В главе 3 «Антигабсбургский лагерь в 1618–1620 гг.» рассматривается круг вопросов, связанных с формированием и функционированием

повстанческого лагеря и внутренней политикой сословного режима. Глава состоит из четырех разделов.

**В разделе 3.1** содержится краткий очерк основных политических событий в Чехии в 1618–1620 гг. В качестве основных вех в недолгой политической истории Восстания выступают сословные съезды и сеймы, поскольку именно с ними связано появление основных программных документов, их ход демонстрировал общее состояние и внутренние проблемы антигабсбургского лагеря на разных этапах Восстания. Такими вехами оказываются съезд некаатолических сословий 22–24 мая 1618 г., т.н. Варфоломеевский сейм 27–30 августа 1618 г., съезд восставших сословий, проходивший с 18 по 23 марта 1619 г., генеральный сейм земель Чешской короны в июле–августе 1619 г., земский сейм, состоявшийся 28 октября 1619 г. в рамках торжеств по случаю коронации Фридриха V Пфальцского, и последний сейм периода Восстания, работавший 26 марта – 11 мая 1620 г.

**В разделе 3.2.** рассматривается проблема взаимоотношений между немногочисленной группой радикальных вождей, инспирировавшей переворот 23 мая 1618 г., и умеренно-легитимистским сословным «большинством», не склонным поддерживать радикальные замыслы. Анализ персонального состава Директории позволяет определить основные принципы ее формирования, и прийти к выводу, что сословные вожди-радикалы в целом довольно успешно решили стоявшую перед ними задачу – создать руководящий орган Восстания, достаточно репрезентативный и авторитетный в глазах некаатолических сословий, и при этом способный оперативно принимать политические решения и эффективно осуществлять управленческие функции. Им удалось обеспечить представительство основных сил, которые так или иначе были задействованы в оппозиционной борьбе, и в целом довольно удачно определить круг лиц, которых можно было привлечь в руководящий орган Восстания, не опасаясь активного противодействия с их стороны. Организаторы переворота хорошо представляли, как формируется позиция сословного «большинства» и как можно повлиять на его настроения.

В разделе затрагивается вопрос о соотношении между умеренными и радикальными политиками в Директории, по которому нет единого мнения среди исследователей. Диссертантом отмечается, что вопрос о соотношении между «радикалами» и «умеренными» в Директории, упирается в недостаток информации и специфичность источниковой базы. Основную информацию о позиции тех или иных директоров исследователи черпают главным образом из документов побелогорского следствия. Рассматриваемые в разделе случаи Я.О. Шлика и Вилема-ст. из Лобковиц демонстрируют, что эти источники не всегда отражают действительную роль некоторых членов корпуса директоров в майских событиях 1618 г. и в руководстве Восстанием и их отношение к происходящему. В целом, однако, очевидно, что, несмотря на численное преобладание в этом органе особ, не стремившихся к полному разрыву с



династией и веривших в перспективу урегулирования конфликта, его деятельность находилась под контролем политиков-радикалов, стоявших у истоков переворота.

**Раздел 3.3** посвящен внутренней политике сословного режима в 1618–1620 гг. Явных противников сословного режима было не много: наиболее одиозные католические политики покинули страну еще накануне или сразу же после переворота 23 мая 1618 г. Гораздо больше было тех, кто примкнул к Восстанию лишь под давлением обстоятельств или желал остаться в тени, дожидаясь исхода столкновения. В работе отмечается, что Директория с первых месяцев Восстания проводила очень осторожную линию в отношении наиболее состоятельных и влиятельных евангелических аристократов, стремясь не допустить их перехода в открытую оппозицию. Об этом, в частности, свидетельствует отношение сословного руководства к немногочисленным сторонникам наивысшего гофмистра Адама из Вальдштейна, который на Варфоломеевском сейме в августе 1618 г. предпринял неудачную попытку склонить сословия к примирению с императором.

В разделе рассматривается вопрос о политике конфискаций в период Восстания. Отмечается, что директоры довольно долгое время не спешили принимать радикальные меры в отношении как явных противников, так и разного рода двурушников. Публикация «черных списков» и постановление об изгнании и конфискации владений «вероломных сыновей родины» мартовского земского сейма 1619 г. были призваны продемонстрировать решимость сословного руководства и укрепить собственные ряды, припугнув скрытых врагов, малодушных и колеблющихся. До реализации этих репрессивных мер дело дошло, по-видимому, лишь несколько месяцев спустя. Однако даже итоговые постановления весеннего сейма 1620 г. демонстрируют изрядную гибкость в этом вопросе. С одной стороны, они гарантировали всем покупателям конфискованных владений необратимость этих сделок. С другой – предусматривали механизм, позволявший членам сословной общины, отказавшимся присягнуть на верность сословной Конфедерации и новому королю, сохранить свои имения за собой или своими детьми.

В историографии (Й. Яначек, Т. Кноз) отмечается несистематичность произведенных сословным режимом конфискаций частных владений и поднимается вопрос: почему руководство Восстанием, постоянно нуждавшееся в деньгах, не пошло на их масштабную распродажу. В диссертации рассматривается тесно связанный с практикой конфискаций вопрос о компенсациях, возмещении убытков сословиям, подвергшимся военному разорению. В частности, анализируется сообщение об акции, предпринятой пострадавшими от военных действий южночешскими землевладельцами на весеннем сейме 1620 г. Эта агрессивная маргинальная группировка на несколько дней парализовала работу сейма многократной подачей «субликаций», в которых требовалось передать на содержание разоренных дворян «больше

владений вероломных сыновей родины». И хотя подобная активность явно шла в разрез с планами сословного руководства и интересами Восстания, «пфальцское» правительство было вынуждено передать на содержание пострадавших доходы от нескольких конфискованных панств.

Этот эпизод весеннего сейма 1620 г. проливает свет на возможную причину того, почему руководители Восстания не решились на масштабную продажу конфискованных владений частных лиц. Сословный режим остро нуждался в регулярных доходах, в том числе и для компенсаций пострадавшим от войны мелким землевладельцам, требования которых сословное руководство не могло совершенно игнорировать. Доходы от конфискованных владений были, по-видимому, одним из немногих источников регулярных финансовых поступлений на нужды Восстания. Продажа всех конфискованных владений привела бы к обострению и без того тяжелого финансового положения антигабсбургского лагеря.

В разделе 3.4 рассматривается круг вопросов, связанных с ролью городского сословия в антигабсбургском лагере и решением наиболее острых проблем королевских городов в программных документах Восстания. По мнению диссертанта, восстановление правового статуса третьего сословия не следует считать исключительно результатом усилий представителей королевских городов на сейме: соответствующие положения содержались в проекте постановлений по земским делам, предложенном самой Директорией. Ход и исход столкновения между дворянством и городской курией в июле 1619 г. ярко демонстрируют склонность аристократических вождей к компромиссам с влиятельными городскими элитами, их готовность в стратегических интересах восстания поступиться – пусть даже символически – некоторыми прерогативами высших сословий.

**Глава 4 «Социально-политические преобразования периода Восстания сословий 1618–1620 гг.: теория и практика»** состоит из трех разделов.

**Раздел 4.1** посвящен решению в период Восстания конфессиональной проблемы. Статус католиков в предлагавшейся «Конфедерацией» государственно-политической модели по-разному оценивается в литературе. Одни авторы (К. Стлоукал, М. Пояр) исходят из того, что новая «конституция», уделявшая столь много внимания соблюдению «Маестата» и «Уравнения» 1609 г., гарантировала католикам «религиозную свободу», полное политическое равноправие. Другие (Р. Станка, К. Малый, В. Бекер) справедливо указывают на явные противоречия между декларируемой ориентацией на принципы актов 1609 г. и ущемлением прав католических сословий, которым сопровождалось закрепление политического господства протестантов (запрет на занятие католиками наивысших земских и королевских должностей, закрепление преобладания не католиков в городском самоуправлении и др.).

Разбор положений «Конфедерации», касающихся особ католического вероисповедания, не дает оснований утверждать, что в 1619 г. вопрос об их статусе решался простым низведением до положения «граждан второго сорта» (Р. Станка). По мнению диссертанта, в положениях «Конфедерации» нашла выражение весьма осторожная политика, которую лидеры антигабсбургской оппозиции проводили с самого начала Восстания. С одной стороны, очевидно стремление полностью исключить из политической жизни Чехии наиболее ярких адептов Контрреформации, самых влиятельных и опасных противников. В то же время составители «Конфедерации» и «земских» статей не стремились оттолкнуть от нового режима умеренных и политически индифферентных католиков и оставляли возможность их вовлечения (добровольного или принудительного) в мероприятия евангелического правительства.

В разделе 4.2 рассматривается решение в теории и на практике двух основных вопросов, определявших взаимоотношения королевской власти и сословий – о выборности или наследственности чешской короны и о границах прерогатив монарха и компетенции королевских учреждений. Характеристику положения короля по «Конфедерации» 1619 г. как некоего титулярного монарха, лишённого атрибутов реальной политической власти, можно встретить и у современников (В. Славата), и в историографии (К. Малый, Я. Панек). В более взвешенной трактовке «Конфедерация» «в ряде статей существенно ограничивала власть монарха, подчиняла ее планомерному контролю сословий», «создала теоретическую модель сословного государства», в котором сословия были элементом более сильным, нежели королевская власть (Й. Яначек).

Статьи «Конфедерации» 1619 г. формально закрепляли принцип выборности монарха сословиями земель Короны. Избрание и коронация наследника при жизни правящего монарха запрещались, но с оговоркой, что это не исключено, «если все объединенные земли, признав в этом необходимость, сами потребуют этого». Избрание же на весеннем сейме 1620 г. принца Фридриха-Генриха, старшего сына Фридриха Пфальцского, наследником чешского престола – один из немногих случаев применения на практике положений акта 1619 г. – свидетельствует скорее о том, что в вопросе о выборности или наследственности короны и сословные вожди, и сами сословия, по-видимому, были готовы проявить значительную гибкость.

Другая проблема, определявшая взаимоотношения сословий и короля – границы прерогатив монарха и компетенции королевских учреждений. Многие положения «Конфедерации» явно ослабляли королевскую власть, сокращая прерогативы монарха. Король не имел права без согласия сословий вести войны, вербовать войска, строить укрепления, перекладывать на сословия земель свои долги и т.п.; его исключительной прерогативой перестало быть назначение некоторых наивысших чиновников (президентов дворской коморы и апелляционного суда, подкоморжего, наивысшего минцминистра). Наконец, за сословиями закреплялось право на сопротивление монарху, нарушившему их

права и свободы. В разделе рассматриваются немногочисленные источники и свидетельства, отразившие недолгую политическую практику «пфальцского» королевства, в частности до сих пор не использовавшаяся исследователями «Инструкция» короля Фридриха V своим наместникам в Чехии от 12 ноября 1619 г. Они позволяют скорректировать распространенное представление о роли короля и возможностях королевской власти в предложенной восставшими государственно-политической модели и сделать вывод о том, что административно-бюрократическая система, утвердившаяся за время правления Габсбургов, не претерпела значительных изменений в ходе Восстания. Практически была сохранена организационная структура и компетенция учреждений, которые до Восстания считались главными проводниками Контрреформации. Сохранение административно-бюрократической системы, центром которой, по сути, являлся сам король, оставляло королевской власти значительные возможности для маневрирования с целью усиления своих позиций.

**Раздел 4.3** посвящен взаимоотношениям земель Чешской короны в предлагавшейся восставшими государственно-политической модели. Авторов, которые так или иначе обращались к статьям «Конфедерации» 1619 г., определяющим принципы устройства государства Чешской короны, и к вопросу о перспективах развития конфедеративного государства, можно было бы условно разделить на «скептиков» и «оптимистов». С точки зрения первых, заложенные в этом соглашении принципы ослабляли и без того непрочные связи между землями Чешской короны и в перспективе скорее всего привели бы к их дальнейшей эмансипации и, вероятно, распаду этого государственного объединения (А. Гиндели, Г. Пальм, Г. Штурмбергер). Согласно «оптимистической» трактовке, положения «Конфедерации» не только не разрушали, но, напротив, внутренне укрепляли единое государство Чешской короны и в будущем должны были способствовать взаимной интеграции земель (Й. Пекарж, Р. Станка, Й. Валка, Й. Бальке и др.). Как правило, эти авторы исходят из того, что «сословная конституция» 1619 г. коренным образом изменила принципы взаимоотношений между землями и превратила государство Чешской короны в «федерацию равноправных земель». По мнению ряда исследователей (Й. Валка, Й. Бальке и др.), положения «Конфедерации» свидетельствуют о серьезных сдвигах в политическом сознании сословий Чешских земель, об одновременном преодолении как чешского «гегемонизма» (т.е. представлений сословий Чехии о ленном устройстве чешской державы и своем исключительном положении в нем), так и партикуляризма инкорпорированных земель.

В оценках перспектив предложенной сословной «Конфедерацией» модели государства Чешской короны наиболее существенным, по мнению диссертанта, является вопрос о новизне заложенных в ней принципов. В работе отмечается, что еще в документах, предшествовавших появлению «Конфедерации» – т.н.

«рецессах», данных чешскими директорами силезским и верхне- и нижнелужицким сословиям в апреле–июле 1619 г., и в особом соглашении между чешскими и моравскими директорами от 5 июля 1619 г., – проявилось стремление инкорпорированных земель использовать ситуацию для укрепления земской автономии. В свою очередь главные инициаторы договора – лидеры сословий Чехии – были вынуждены проявить значительную политическую гибкость и пойти на уступки ради заключения этого союза. Подобная тактика привела к тому, что статьи «Конфедерации» и ряда сопутствующих документов явно вобрали в себя разнонаправленные (а порой и взаимоисключающие, дезавуирующие друг друга) тенденции и устремления сословий Чехии и инкорпорированных земель.

Содержащийся в разделе анализ статей «Конфедерации» 1619 г. ставит под сомнение ряд распространенных в литературе утверждений, в частности, представление о том, что этот акт превратил государство Чешской короны в некую «федерацию равноправных земель». Декларации о равноправии членов Конфедерации соседствуют в документе с указаниями на стародавние «преимущества», возвышавшие одну землю над другой, и положениями, которые явно подразумевали сохранение исключительного положения чешских сословий в государстве Чешской короны (например, исключительное право чешских дефензоров созывать элекционный сейм, закрепление за сословиями Чехии права выдвигать кандидатуру нового монарха и подавать два голоса при избрании короля).

По мнению диссертанта, наряду с отмеченной Й. Валкой и другими авторами тенденцией к «взаимоуподоблению», частичной унификации отдельных элементов социальной и политической структуры и сохранению ряда уже существующих институтов центрального управления, в сословной «Конфедерации» 1619 г. в полной мере отразились партикуляристские устремления сословий Моравии, Силезии и Лужиц упрочить свою административно-правовую автономию. Подтверждение этому можно обнаружить в ее положениях, касающихся полномочий Чешской канцелярии по отношению к сословиям земель Короны. Сохранив ее как главный управленческий орган государства Чешской короны, «Конфедерация» одновременно значительно сократила его компетенцию по отношению к инкорпорированным землям и их «обывателям».

В оптимистических оценках перспектив единого государства Чешской короны Й. Валка и другие исследователи во многом исходят из того, что в предлагавшейся «Конфедерацией» модели внутреннее единство государства Чешской короны впредь должны были гарантировать не только и не столько центральные учреждения, сколько общие сословные институты, укреплявшие связи между сословными общинами отдельных земель. Диссертантом отмечается, что созданные «Конфедерацией» новые сословные институты и элементы политической системы (съезд дефензоров всех земель, совместная

вооруженная «дефензия») теоретически могли укреплять связи между сословиями Чехии, Моравии, Силезии и Лужиц и тем самым и государство Чешской короны. Однако их появление вряд ли принципиально меняло характер взаимоотношений между землями Короны. И хотя, например, съезд дефензоров всех земель Короны получил исключительное право провозглашать «всеобщую дефензию», его компетенция в этих вопросах в «Конфедерации» не была окончательно определена; он явно задумывался как консультативно-совещательный орган без административных функций. В соответствии с положениями договора, многочисленные мероприятия, связанные с совместной «дефензией», предполагали постоянный обмен информацией о состоянии вооруженных сил у каждого из членов Конфедерации. Но во многих вопросах (прежде всего финансовых) сословия земель Короны были предоставлены сами себе. Непродолжительный опыт Восстания не дает возможности предположить, развивалось ли бы взаимодействие сословий в рамках этих институтов так, как это предусматривала Конфедерация. По мнению диссертанта, содержание «Конфедерации» вряд ли может свидетельствовать о кардинальных изменениях в политическом сознании сословий Чехии и инкорпорированных земель, о бесповоротном преодолении чешского «гегемонизма» и земского партикуляризма. Расплывчатые формулировки и неопределенные положения этого документа скорее консервировали противоречия между землями Короны и не вносили принципиальных изменений в отношения между ними.

**В Заключении** подведены итоги исследования. Анализ хода и результатов сословных сеймов и съездов первых двух десятилетий XVII в. позволяет расширить существующие в историографии представления о социальных элитах и антигабсбургской оппозиции в добелогорской Чехии, ее социально-политических устремлениях, о факторах, определявших ее политическую дееспособность, о методах и «технологиях» политической борьбы в чешском сословном обществе. Комплексное изучение истории сословных собраний, законодательных актов и немногочисленных свидетельств административно-политической практики 1618–1620 гг. позволяют внести коррективы в утвердившиеся в литературе взгляды на взаимоотношения сословий и королевской власти, земель Чешской короны в государственно-политической модели, на роль мещанских элит в сословном Восстании.

Исходя из представления об антигабсбургской оппозиции как о динамическом явлении со сложной внутренней структурой, диссертант делает вывод о том, что ее политическая дееспособность определялась сочетанием множества внутренних факторов: догматическими разногласиями между конфессиональными течениями, экономическими и политическими интересами влиятельных дворянских семейств, межсословными противоречиями. Политические традиции сословного общества побуждали оппозиционных лидеров к гибкости и компромиссам на всех этапах сословно-династического

противостояния. Положения программных документов и политико-административная практика периода Восстания 1618–1620 гг. показывают, что восставшие не стремились к отрицанию всех достижений габсбургской централизации. Это свидетельствует о значительных изменениях в социальном облике и политическом мышлении высших сословий Чехии, которые произошли под влиянием преобразований первых габсбургских монархов в XVI – начале XVII вв.

Ряд положений работы получил отражение в следующих публикациях:

*В ведущих рецензируемых изданиях и журналах, рекомендованных ВАК РФ:*

1. Котов Г.Б. Процедура подачи голосов на чешских земских сеймах XVI – начала XVII вв. // Вестник СПбГУ. Сер. 2. История. 2008. Вып. 3. С. 125–131.

*В других изданиях:*

2. Котов Г.Б. «Языковой закон» 1615 г. и чешская сословная оппозиция накануне Восстания сословий 1618–1620 гг. // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков (Тезисы докладов студенческо-аспирантской конференции 25–29 ноября 1996 г.). СПб., 1997. С. 36–37.

3. Котов Г.Б. О некоторых аспектах городского землевладения в Чехии XVII в. (по материалам т.н. «Гравамины» 1619 г.) // Проблемы социально-политической истории и культуры средних веков: Тезисы докладов конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 24–28 ноября 1997 г. СПб., 1998. С. 26–27.

4. Котов Г.Б. Акт «Конфедерации некатолических сословий земель Чешской короны» 1619 г. // Эпоха Средневековья: Проблемы истории и культуры. Тезисы докладов XVIII всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 23–27 ноября 1998 г. СПб., 1999. С. 52–53.

5. Котов Г.Б. Издание старочешской «Хроники т.н. Далимила» 1620 г. и этноязыковой вопрос в Восстании сословий 1618–1620 гг. // Славянские чтения (Первые и Вторые Славянские Чтения, посвященные Дню свв. Кирилла и Мефодия): Тезисы докладов конференций студентов и аспирантов 29 апреля 1998 г. и 21 апреля 1999 г. СПб., 2000. С. 27–29.

6. Котов Г.Б. Чешская канцелярия в годы Восстания сословий 1618–1620 гг. (К вопросу об административно-политических тенденциях антигабсбургской оппозиции и «пфальцского» режима Чехии) // Средневековое

общество: социально-политический и культурный аспекты. Тезисы докладов XX всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Санкт-Петербург, 27 ноября – 1 декабря 2000 г. СПб., 2001. С. 60–61.

7. Котов Г.Б. Модель государства Чешской короны в «Конфедерации» 1619 г. // Славянские чтения, посвященные Дню свв. Кирилла и Мефодия: Тезисы докладов III конференции студентов, аспирантов и молодых ученых 26 апреля 2000 г. СПб., 2001. С. 25–28.

8. Котов Г.Б. Органы центрального управления Чешского королевства в период Восстания сословий 1618–1620 гг. (К вопросу о социально-политическом облике антигабсбургской сословно-евангелической оппозиции в Чехии в начале XVII в.) // Конфессионализация в Западной и Восточной Европе в раннее Новое время. СПб., 2003. С. 156–170.

9. Котов Г.Б. Конфискации в Чехии в период Восстания сословий 1618–1620 гг. // Славянские чтения, посвященные Дню свв. Кирилла и Мефодия. Вып. IV. Материалы V и VI Конференций студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 6–7 мая 2003 г.; СПб., 12–13 мая 2004 г. СПб., 2006. С. 32–38.

10. Котов Г.Б. «Исторические сочинения» Вилема Славаты и чешская гуманистическая историография // Материалы XXXV Международной филологической конференции 13–18 марта 2006 г. Вып. 15. Славянские литературы и литературные взаимосвязи. СПб., 2006. С. 39–43.

11. Котов Г.Б. Вхинские из Вхиниц в политических столкновениях в Чехии 1609–1611 гг. // Славянские чтения, посвященные Дню свв. Кирилла и Мефодия. Вып. V. Материалы VI и VII конференций студентов, аспирантов и молодых ученых. СПб., 20–21 мая 2005 г.; СПб., 25–26 мая 2006 г. СПб., 2007. С. 41–48.

12. Котов Г.Б. Сословная оппозиция на чешском земском сейме 1617 г. (К особенностям политической культуры и «политических технологий» в добелогорской Чехии) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2008. №1 (3). С. 115–122.

13. Котов Г.Б. Генеральный сейм земель Чешской короны и «языковой закон» 1615 г. // *Нобилитет в истории Старой Европы* / Под ред. С.Е. Федорова, А.Ю. Прокопьева. СПб., 2010. С. 67–79.

14. Котов Г.Б. [Рец.] Левченков А.С. Последний бой чешского льва: Политический кризис в Чехии в первой половине XVII века и начало Тридцатилетней войны. СПб., 2007. 318 с. // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2010. №2 (8). С. 194–196.